

К ВОПРОСУ ОБ ЭНДОКЛИТИКАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

П. М. Аркадьев

(Институт славяноведения РАН, Москва)

*Андрею Анатольевичу Зализняку
с восхищением и благодарностью*

В современных позиционных классификациях клитик (принимаемых, вслед за [Зализняк 2008: 6] и более ранними работами, как акцентно несамостоятельные словоформы, «объединяющиеся в одну тактовую группу с предшествующей или последующей словоформой» [ibid.]) наряду с проклитиками, просодически объединяющимися с последующей акцентно самостоятельной словоформой, и энклитиками, просодически примыкающими, соответственно, к предшествующей словоформе, выделяют также эндоклитики², вклинивающиеся внутрь «опорной» словоформы, см. [Мельчук 1997: 212; Плунгян 2000: 31; Anderson 2005: 81]. В отличие от проклитик и энклитик, широко распространённых в самых разных языках мира, эндоклитики — явление довольно редкое; в литературе обычно приводятся примеры из европейского португальского [Мельчук 1997: 185–186; Anderson 2005: 157–161; Spencer & Luís 2012: 205–208], пушту [Tegey 1977; Anderson 2006: 152–157], удинского [Harris 2002; Anderson 2005: 161–165; Spencer & Luís 2012: 208–212] языков. Важно отметить, что в отличие от способности примыкать к опорному слову слева или справа, свойство вставляться внутрь опорного слова, видимо, не может быть для клитики постоянным — во всех упомянутых только что случаях эндоклитики в части своих употреблений могут выступать и как проклитики и/или энклитики. Не исключено, что эта «позиционная нестабильность» эндоклитик вытекает из логики определения клитик как словоформ, пусть и просодиче-

---

¹ Автор благодарит И.Б. Иткина за ценные замечания к первому варианту текста и С.С. Скорвида за консультацию по данным других славянских языков.

² В литературе (ср. [Мельчук 1997: 212; Плунгян 2000: 31]) используется также термин «интраклитика», который представляется неудачным, поскольку остальные общепринятые понятия в этой области традиционно строятся из греческих компонентов без использования латинских.

ски «дефектных» — элемент, всегда занимающий позицию строго внутри другой словоформы, был бы классифицирован как аффикс.

В качестве иллюстрации рассмотрим пример эндоклитик из курдского диалекта сорани [Bonami & Samvelian 2008; ср. Курдоев 1978: 107–110]. В сорани личные местоименные клитики, используемые для выражения объекта в настоящем времени и субъекта в прошедшем, способны выступать, во-первых, как энклитики к первому слову глагольной группы, которое может быть, например, дополнением, пример (1a), или самим глаголом, как в примере (1b), и, во-вторых, когда перед глаголом нет иных словоформ, а сам он содержит преверб, вставляться между превербом и основой, как в примере (1c).

(1) курдский диалект сорани³

- a. *bo nærmin=jan dæ-kir-im*
 для Нармин=3PL IPF-купить.PRS-1SG
 'Я покупаю их для Нармина.' [Bonami & Samvelian 2008: 3]
- b. *kiri-n=i*
 купить.PST-3PL=3SG
 'Он купил их.' [ibid.]
- c. *dæ=j=le-m*
 IPF=3SG=говорить.PRS-1SG
 'Я говорю это.' [ibid.]

В связи с этим примером нелишне заметить, что бóльшая часть известных случаев эндоклитик — это ситуации, когда клитика разрывает сложную глагольную словоформу, состоящую из основы и некоего дополнительного компонента, например, префикса, который синхронно является частью словоформы, однако исторически восходит к самостоятельным единицам, таким как наречия. К упомянутому выше списку такого рода примеров можно добавить, в частности, осетинский [Ахвледиани 1963] и старолитовский [Razanovaitė 2014]. Случаи, когда эндоклитика проникла бы внутрь корня, исключительно редки; практически бесспорным примером такого рода является удинский язык (см.

---

³ Сокращения: 1 – первое лицо, 3 – третье лицо, IPF – имперфектив, PL – множественное число, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, SG – единственное число. Знаком = отделяются клитики.

упомянутые выше работы; ср., однако, [Ганенков и др. 2012]), а также язык гбан (семья манде, Кот д'Ивуар, [Федотов 2014]).

В настоящей заметке я попытаюсь применить понятие эндоклитики к русскому языку, а именно показать, что в качестве эндоклитик можно рассматривать первообразные предлоги, вставляющиеся внутрь некоторых местоимений: отрицательных *никто, ничто, никакой, ничей, некого, нечего*, неопределённых *кто-то, кое-что, кое-какой* и *кое-чей* и взаимного *друг друга*. Все эти лексемы рассматриваются в книге [Зализняк 1967: 53, 289–290] в качестве разрывных словоформ.

Для того чтобы аргументированно показать, что некая языковая единица является эндоклитикой, необходимо, во-первых, доказать, что это именно клитика (а не самостоятельная словоформа или, наоборот, не аффикс), и, во-вторых, продемонстрировать, что те единицы, внутрь которых она способна вставляться, являются именно словоформами, а не словосочетаниями (т.е. комбинациями словоформ).

Статус русских первообразных предлогов в качестве клитик (в частности, проклитик) кажется вполне несомненным. Предлоги, в том числе двусложные, являются просодически несамостоятельными единицами, примыкающими к последующей словоформе; в силу этого они участвуют в ряде чередований, характерных для морфологических связанных единиц русского языка (например, оглушение или озвончение перед соответствующим согласным последующего слова: *в [v] дом, но в [f] стол*; морфонологически и лексически обусловленные чередования вроде *об этом vs. обо мне*). Этим первообразные предлоги сближаются с несомненными аффиксами — приставками. С другой стороны, предлоги демонстрируют морфосинтаксическое поведение, характерное для словоформ: сочетаются с целой составляющей (именной группой), а не с конкретным словом (*в [нашем (*в) новом (*в) двухэтажном (*в) доме]*); случаи повтора предлога в рамках именной группы в современном русском языке редки и стилистически маркированы), опускаются при сочинении и, что немаловажно, полноценно участвуют в синтаксической структуре, управляя падежом своего зависимого. В этом смысле русские первообразные предлоги вполне соответствуют предложенному в работах [Spencer & Luís 2012: 321–324; 2013] определению клитик как единиц, сочетающих просодико-фонологические свойства аффик-

сов с морфосинтаксическими свойствами (служебных) словоформ.

Перейдём к вопросу о статусе русских разрывных словоформ. Начну с того, что для логической корректности рассуждений необходимо исключить из рассмотрения как раз те случаи, когда интересующие нас единицы выступают с вклинивающимися предлогами, и исследовать их поведение лишь в ситуациях «слитного» употребления. Ниже будет рассмотрен ряд критериев, отличающих словоформы от словосочетаний (а аффиксы, соответственно, от служебных слов), в первую очередь морфологические и синтаксические. Фонетико-просодические критерии в данном случае непоказательны, поскольку, как уже указано выше, дают практически одинаковые результаты для словоформ и сочетаний словоформ с предлогами.⁴

По основным морфосинтаксическим критериям (ср. [Плунгян 2000: 20–28]) все рассматриваемые единицы следует считать словоформами: их компоненты не могут быть отделены друг от друга полноценными (акцентно-самостоятельными) словоформами (*кое пришёл кто; **друг обняли друга*), не подвергаются перестановке (**обняли друга друг*)⁵, не допускают широкой сферы действия при сочинении (*его никто и ничто не интересуется* ~ *никто и что; *терять некого и нечего* ~ *некого и чего; *никакой и ничей* ~ *никакой и чей; *кое-кто и кое-что всё портит* ~ *кое-кто и что). В связи с последним критерием ср., напротив, поведение предлогов и частиц: *об отце и (о) матери, даже отец и (?даже) мать* и т.п.. Критерий цельноформленности релевантен лишь для взаимного местоимения *друг друга*, первый компонент которого формально совпадает со словоформой существительного, однако на самом деле морфосинтаксически инертен: если бы компонент *друг* в составе *друг друга* был самостоятельной словоформой, мы бы ожидали от него поведения, сходного с таковым

---

⁴ Здесь уместно отметить, однако, что *кое*-местоимения выделяются среди рассматриваемых единиц тем, что не подчиняются общим для русских тактовых групп правилам редукции безударных гласных: компонент *кое* произносится без редукции *о*, ср. [коэ-ктó] vs. [bэivój] и [aba=fs'óm], ср. [Аванесов ред. 1988: 213], где у всех *кое*-местоимений первый компонент помечен как несущий второстепенное ударение.

⁵ Ср., однако у И. Бродского: *И каждый стих с другим, как близкий брат, / хоть шепчет другу друг: чуть-чуть подвинься*. Я благодарю А.Ч. Пиперски за указание на этот, явно маргинальный для современного литературного языка пример.

конструкций типа *каждый по яблоку*, т.е., в частности, согласования по падежу с антецедентом, ср. *Мальчики взяли **каждый** по яблоку* ~ *Она дала им **каждому** / ***каждый** по яблоку* ~ *Она велела им взять **каждому** / ***каждый** по яблоку*. Тем не менее, с *друг друга* этого не происходит, ср. *Она представила их **друг** другу / ***друга** другу, Она позволила им обнять **друг** друга / ***другу** друга*. Тем самым, несклоняемость первого компонента взаимного местоимения объясняется не ограничениями на его синтаксическую дистрибуцию, а его морфологической связанностью.

Суммируя, можно сказать, что коль скоро, во-первых, русские первообразные предлоги являются клитиками, а местоимения *никто, ничто, никакой, ничей, некого, нечего, кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-чей* и *друг друга* суть словоформы, а не словосочетания, сочетания этих классов единиц между собой можно (и, возможно, необходимо) признать случаем эндоклизиса, причём типологически вполне нетривиальным.⁶

Существенным возражением к приведённой выше аргументации может служить тот отмечавшийся в литературе, см. [Еськова 1989/2011: 215–218], факт, что рассматриваемые нами местоимения могут разрываться и непервообразными предлогами, часть которых не является клитиками ни в каком смысле этого слова, ср. *друг **напротив** друга, друг **по отношению к** другу, ни **против** кого, ни **относительно** чего* и т.п. Со сколько-нибудь значимой частотой такие случаи встречаются лишь с взаимным местоимением (в частности, примеры вроде *друг **напротив** друга* или *друг **относительно** друга* отмечаются в Национальном корпусе русского языка), однако допустимость самой такой модели вряд ли может быть поставлена под сомнение. Такие факты, конечно, вступают в противоречие с трактовкой единиц вроде *никто* и *друг друга* как единых словоформ, казалось бы, вполне надёжной для ситуаций «неразрывного» употребления, но их интерпретацию я оставляю за пределами данной работы.

Интересно отметить, что важной и, видимо, значимой параллелью к эндоклитическому поведению русских предлогов с

---

⁶ Данная черта является архаизмом, сохранившимся лишь в восточнославянских и сербохорватском языках и утраченным остальными славянскими языками, но представленным, например, в старославянском [Вайан 1952: 170]. В сербохорватском, насколько можно судить (ср., например, <http://pravopis.hr/pravilo/viserjecnice/29/>), эндоклизис предлогов сохраняется в основном в литературном языке и утрачивается в обиходной речи.

отрицательными и неопределёнными местоимениями является позиция предлогов по отношению к выделительным частицам *только*, *лишь* и *даже* и отрицанию *не*: последние всегда предшествуют предлогу, несмотря на то, что семантически могут относиться к управляемой предлогом именной группе. Ср. *Книги лежали даже на полу* / *на даже полу, *Расскажи только о детях* / *о только детях, *Пошёл не к отцу, а к матери* / **к не отцу, а матери* и т.п. Можно даже предположить, что оба эти феномена суть два проявления более общей тенденции помещать несклоняемые единицы с кванторным (в широком смысле этого слова) значением перед предлогами.

Наконец, нельзя не указать на то, что с морфосинтаксической точки зрения первообразные предлоги, вклинивающиеся в разрывные словоформы, ведут себя скорее как аффиксы, в частности, неспособны иметь в своей сфере действия элементы вне опорного слова, ср. *ни к кому и ни к чему* ~ **ни к кому и ничему*, *разочаровались друг в друге и в себе* ~ **друг в друге и себе*. О последнем случае отмечу, что взаимное местоимение может находиться в сфере действия предлога, примыкающего к неразрывной словоформе, ср. *разочаровались в [себе и друг друге]*.

Итак, я надеюсь, что мне удалось показать осмысленность и применимость к русскому материалу до сих пор бывшего для русской грамматической терминологии «экзотическим» понятия эндоклитики, равно как и то, что русский язык может быть внесён в пока не слишком представительный перечень языков, демонстрирующих это нетривиальное явление.

Литература

Аванесов Р. И. ред. (1988). *Орфоэпический словарь русского языка: соотношение, ударение, грамматические формы*. 4-е изд., стер. М., 1988.

Ахвледиани Г. С. (1963). Провербный тмезис в осетинском языке // *Краткие сообщения института народов Азии*. 67. *Иранская филология*. М.: Изд-во восточной литературы, 1963, с. 11–15.

Вайан А. (1952). *Руководство по старославянскому языку* / Пер. с франц. В. В. Бородич, под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952.

Ганенков Д. С., Ю. А. Ландер, Т. А. Майсак (2012). Удинский язык без эндоклитик. Доклад в Институте современных лингвистических исследований при МГГУ им. М. А. Шолохова, 16 марта 2012 г.

http://udilang.narod.ru/field/Udi_mggu_2012.pdf

Еськова Н.А. (1989/2011). Формальные особенности некоторых предложных сочетаний с местоименными словами // *Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвузовский сб. науч. трудов*. Владимир, 1989, с.

60–68. (2-е изд. в: Н.А. Еськова. *Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография*. М.: «Языки славянских культур», 2011, с. 210–219.)

Зализняк А. А. (1967). *Русское именное словоизменение*. М.: «Наука», 1967.

Зализняк А. А. (2008). *Древнерусские энклитики*. М.: «Языки славянских культур», 2008.

Курдоев К. К. (1978). *Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани*. М.: «Наука», 1978.

Мельчук И. А. (1997). *Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: Слово* / Пер. с франц. Н. Н. Перцовой, Е. Н. Саввиной, общ. ред. Н. В. Перцова. М.: «Языки русской культуры», «Прогресс» & Wien: Wiener Slawistischer Almanach, SBd 38/1, 1997.

Плунгян В. А. (2000). *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: «Эдиториал УРСС», 2000.

Федотов М. Л. (2014). Фокус, заглагольные зависимые и эндоклитики в гбан // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (отв. ред.), *От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской*. СПб: «Нестор-История», 2014, с. 195–214.

Anderson S. R. (2005). *Aspects of the Theory of Clitics*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Bonami O. & P. Samvelian (2008). Sorani Kurdish person markers and the typology of agreement. Handout from the 13th International Morphology Meeting, Vienna, February 2008. <http://www.llf.cnrs.fr/sites/llf.cnrs.fr/files/biblio/IMM-sorani-ho-2.pdf>

Harris A. C. (2002). *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Razanovaitė A. (2014). *Lietuvių senųjų raštų klitiniai įvardžiai (XVI–XVIII a.)*. Daktaro disertacija, Vilniaus Universitetas, 2014.

http://vddb.library.lt/fedora/get/LT-eLABa-0001:E.02~2014~D 20140602_082837-59475/DS.005.0.01.ETD

Spencer A. & A. Luís (2012). *Clitics. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Spencer A. & A. Luís (2013). The canonical clitic // D. Brown, M. Chumakina & G. G. Corbett (eds.), *Canonical Morphology and Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 123–150.

Tegey H. (1977). *The Grammar of Clitics. Evidence from Pashto and Other Languages*. Doctoral Dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign, 1977.